

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 87–94. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 87–94. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN LHMLIO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-87-94>

ИСТОРИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АДАМИЗМА: СТИХОТВОРЕНИЕ М.А. ЗЕНКЕВИЧА «ПОХОД АЛЕКСАНДРА В ИНДИЮ»

Чевтаев Аркадий Александрович, кандидат филологических наук, Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Россия, achevtaev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6844-8560>

Аннотация. В статье рассматривается художественная рецепция исторической личности и ее деяний в стихотворении М.А. Зенкевича «Поход Александра в Индию» (1909), вошедшем в состав первой книги стихов поэта «Дикая порфира» и отчетливо демонстрирующем специфику видения событий мировой истории в зенкевической поэтической картине мира. Целью работы является анализ структурно-семантической организации данного текста в аспекте концептуальной реализации адамизма как идеологического основания творчества поэта. Анализ поэтики стихотворения, посвященного осмыслению финальных свершений в жизни царя Александра Македонского (завоевательного похода в Индию и его последствий), показывает, что Зенкевич концептуализирует мировую историю как реализацию антропологического постижения природно-стихийных первоначал миропорядка. В нарративной структуре стихотворения, состоящей из двух сюжетных частей, вскрывается глубинный механизм подчинения человека «темным» бытийным основаниям универсума. В 1-й части текста, повествующей о соприкосновении Александра Македонского с завоевываемыми им индийскими землями, эксплицируется приближение к границе природно-мистической области мира. 2-я часть репрезентирует глубинные следствия такого контакта – превращение внешних тайн чужой страны во внутренние «темные» тайны человеческого «я». Попытка завоевания Индии царем Александром оборачивается порабощением («отравлением») его личности первородным хаосом и ведет героя к безумию. Делается вывод, что в «адамистической» мифопоэтике Зенкевича «исторический» (царственный) человек неизменно оказывается «натуральным» Адамом, ощущающим свое «темное родство» с хаосом первозданности.

Ключевые слова: М. Зенкевич, Александр Великий, адамизм, античная история, лирический нарратив, микрокосм и макрокосм, поэтика адамизма, сюжетостроение, художественная онтология.

Для цитирования: Чевтаев А.А. История сквозь призму адамизма: стихотворение М.А. Зенкевича «Поход Александра в Индию» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 87–94. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-87-94>

Research Article

HISTORY THROUGH THE PRISM OF ADAMISM: THE POEM “THE CAMPAIGN OF ALEXANDER IN INDIA” BY MIKHAIL ZENKEVICH

Arcadiy A. Chevtaev, candidate of philological Sciences, Russian State Hydrometeorological University, St. Petersburg, Russia, achevtaev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6844-8560>

Abstract. The article considers the artistic reception of the historical person and her deeds in the poem “The Campaign of Alexander in India” by Mikhail Zenkevich (1909), which was included in the first book of poems of the poet “Wild Porphyry” and clearly demonstrates the specifics of the vision of the events of world history in Mikhail Zenkevich’s poetic picture of the world. The purpose of the study is to analyse the structural-semantic organisation of this text in the aspect of the conceptually realisation of adamism as the ideological basis of the poet’s creative work. The analysis of the poetics of the poem dedicated to the comprehension of the final achievements in the life of King Alexander the Great (the conquest campaign to India and its consequences) shows, that Mikhail Zenkevich conceptualises world history as realisation of anthropological comprehension of the natural origins of the world order. In the narrative structure of the poem, which consists of two plot parts, the deep mechanism of subordination of a human to the “dark” ontological foundations of the universe is revealed. In the 1st part of the text, which tells about the contact of Alexander the Great with the Indian lands he conquered, the approach to the border of the natural-mystical region of the world is explicated. The 2nd part represents the deep consequences of such contact – transformation of the external secrets of a foreign country into the internal “dark” secrets of the human “self”. The attempt to conquer India by King Alexander III of Macedon turns into enslavement (“poisoning”) his personality with primordial chaos

and leads the hero to madness. It is concluded that in Mikhail Zenkevich's "adamistic" mythopoetics the "historical" (royal) man invariably turns out to be "natural" Adam, who feels his "dark relatedness" with the chaos of primordial nature.

Keywords: Mikhail Zenkevich, Alexander III of Macedon, adamism, ancient history, lyrical narrative, micro- & macrocosm, poetics of adamism, structure of plot, artistic ontology.

For citation: Chevtaev A.A. History through the prism of adamism: the poem "The Campaign of Alexander in India" by Mikhail Zenkevich. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 87–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-87-94>

Понятие «адамизм» вводится в 1913 г. в статьях-манифестах Н.С. Гумилева и С.М. Городецкого – творцов-идеологов акмеистической парадигмы поэтического творчества – в качестве смысловой параллели к собственно «акмеизму». При этом «зоны ответственности» этих концептуальных явлений оказываются различными: если акмеизм как понятийная единица ориентирован на эстетическую (поэтологическую) сущность утверждаемого в начале 1910-х гг. нового литературного явления, то адамизм становится идеологическим маркером мировоззрения поэтов-акмеистов [Rusinko: 85–87]. Естественно, что представление об Адаме как первооснове универсума, возвращение к которой призвано преобразить бытие человека и мира в контексте проживаемого «здесь и сейчас» исторического и онтологического времени, в творчестве акмеистов оказывается многомерным и обусловленным индивидуально-авторской картиной мира. «Адамистическая» идеология продуцирует в поэтических системах акмеизма различные способы построения отношений на оси «человек – мироздание», и ее смыслы флуктуируют от религиозно-мистического до природно-мифологического полюсов самоактуализации лирического субъекта в моделируемой реальности.

Поэтический опыт акмеистов показывает принципиальную неоднозначность смыслового объема «адамистического» мировидения. Как замечает А.В. Филатов, «под адамизмом в узком смысле подразумевают примитивизм, возвращение к древним, докультурным представлениям человека о мире, его единение с природой... тогда как адамизм, понятый широко, заключается в обращении к земной реальности и попытке взглянуть на нее незамутненным свежим взглядом» [Филатов: 119]. Такая градация «адамистического» мироощущения внутри акмеизма показывает, что Адам как интегральный образ Первочеловека в художественной практике поэтов-акмеистов оказывается гораздо шире исходных библейских значений и продуцирует идеологему первозданности как таковой. Соответственно, если творчеству Гумилева, О.Э. Мандельштама и А.А. Ахматовой присуща актуализация ветхозаветных представлений об Адаме как антропологическом первоначале, то лирика Городецкого, В.И. Нарбута и М.А. Зенкевича, напротив, ориентирована на сугубо натуралистическое понимание истоков че-

ловеческого бытия, редуцирующее библейские коннотации адамизма.

В этом отношении особое место занимает поэзия Зенкевича, в которой «адамистическое» миропонимание не ограничивается человеческой экзистенцией и стремится охватить весь процесс становления и существования тварного мира, вплоть до исходных процессов онтогенеза. В лирике поэта вне- и дочеловеческий период витального развертывания универсума входит на равных правах с историческим и личностным движением человечества в единую структуру жизненного самоосуществления вселенной и, более того, подчиняет себе историю и человеческое самосознание.

В художественном универсуме Зенкевича адамизм оказывается принципом не культурной реставрации и обретения человеком духовной гармонии, как, например, в поэзии Гумилева и Мандельштама, а постижения самих истоков тварного преобразования хаоса в природный космос. При этом поэт постоянно акцентирует присутствие в космической упорядоченности мира онтологической неустранимости и действенного проявления изначальных хтонических сил. «Натуралистический» взгляд Зенкевича на бытие как тварную вариативность первоначальной материи концептуализируется в его первой книге стихов «Дикая порфира» (1912). Характеризуя этот творческий опыт поэта, Городецкий отмечал в нем специфику «адамистического» мироощущения: «С юношеской зоркостью он вновь и вновь увидел нерасторжимое единство земли и человека, в остывающей планете он увидел изрытое струпами тело Иова, и в теле человеческом – железо земли» [Городецкий: 87]. Именно осмысление генезиса материи, восходящего к первопричинам космического и геологического возникновения мироздания, находится в основании зенкевического адамизма.

При этом в стихотворениях Зенкевича, как констатирует О.А. Лекманов, обнаруживается «не возвращение к Адаму, и даже не возвращение к первозданной Материи, но возвращение к диалогу с первозданной Материей» [Лекманов 2000: 64]. Уплотненность, материально-физическая тяжесть эмпирических феноменов бытия и антропологическое прозрение их духовных смыслов образуют константные параметры конфликтологии в структуре «Дикой порфиры». Сюжетостроение данной книги определяется раз-

вертыванием «взаимодействия и противостояния трех миров: макромира (земли и космоса), “среднего мира” (человека) и “нижнего мира” (природно-биологического)» [Кихней: 27]. Соответственно, антропогенез как возникновение и движение человеческого «я» из материального хаоса к культурному и цивилизационному самоопределению в поэзии Зенкевича предстает как постоянная верификация близости человеческого бытия «темному» (хтоническому) измерению его изначальной природы. Однако предельная и принципиальная интеграция человека в онтологическое самодвижение материи не только не исключает, но и акцентирует его ценностно-смысловое присутствие в мире в качестве субъекта, постигающего сущность отношений на оси «я – универсум». Человек в «адамистической» лирике Зенкевича, с одной стороны, жаждет прозрения своей первоизданной природы, а с другой – ужасается откровениям о своем родстве с природно-хаотической стихией мироздания. Такое стремление к бытийным первоистокам поэт, прежде всего, сопрягает с историческим развертыванием мира, в котором материя реализует себя антропологически и витально оформляется в построении человеческого космоса.

Второй раздел «Дикой порфиры», озаглавленный Зенкевичем «История», изображает опыт столкновения исторической личности с действием первоизданной материи, в результате которого происходит экзистенциальное «обнажение» человеческого «я». «Натуралистический» аспект адамизма здесь сопрягается с репрезентацией событий мировой истории и ее царственных вершителей (царей, императоров, князей), витальные устремления которых вскрывают суть взаимодействия антропологического микрокосма с вселенским макрокосмом. Принципиально важным видится то, что поэт «рассматривает историю цивилизации как естественную историю с точки зрения геологической и биологической эволюции, куда вписан и человек», и поэтому властитель неизбежно «включен в круговращение таинственных природных сил» [Тырышкина, Чеснялис: 122]. В целом ряде стихотворений «Дикой порфиры», таких как «Марк Аврелий», «Коммод», «К Агуре-Мазде», «Вавилон», «Навуходоносор», «Две крови», «Князь», оказывается актуализированным «адамистическое» основание исторического развития мира, которое встраивается в общий процесс бытийного становления первоизданной материи. История человечества, увиденная сквозь призму адамизма, позволяет Зенкевичу эксплицировать глубинное «родство» антропологического и материально-хтонического начал в единой смысловой структуре мироздания.

Представляется, что наиболее отчетливо «адамистическое» видение истории как попытка постичь сущностные основы бытия проявляется в стихотво-

рении Зенкевича «Поход Александра в Индию», написанном в 1909 г. и вошедшем в состав «исторического» раздела книги «Дикая порфира». Данное произведение, представляющее собой поэтический диптих, является осмыслением завоевательного вторжения царя Александра Великого (Македонского) в Индию в 326–325 гг. до н. э. и его катастрофическим последствиям: гибели большей части греческой армии во время возвращения в Персию и последовавшей спустя два года смерти самого царя. Это двухчастное стихотворение в общем контексте лирической «историографии» Зенкевича примечательно тем, что в нем, во-первых, деяния известной исторической личности оказываются достаточно конкретизированными, а во-вторых, репрезентируется онтологический переход внешнего (социокультурного) конфликта во внутренний (интимно-антропологический), что позволяет вскрыть глубинные основания постижения «царственной» личностью сокровенных тайн миропорядка.

В предлагаемой статье, основываясь на структурно-семиотическом и нарратологическом подходах к аналитике художественного текста, мы сосредоточим внимание на выявлении сущности «адамистических» воззрений Зенкевича в концепции стихотворения-диптиха «Поход Александра в Индию». Думается, что образ Александра Македонского в творческой концепции поэта является предельной степенью воплощения столкновения человека с «темным» измерением универсума.

Александр Великий как предельно колоритная и ценностно возвышенная личность Древнего мира (его эллинистической эпохи) привлекает многих поэтов Серебряного века. Так, этот властитель древности и события его жизни помещаются в центр стихотворений В.Я. Брюсова («Александр Великий» (1899), «Смерть Александра» (1912)), И.А. Бунина («Александр в Египте» (1907)), М.А. Кузмина («На твоей планете всходит солнце...» (1908), «Каких достоин ты похвал, Искандер!...» (1909)). Модусы восприятия личностной актуализации и деяний царя Александра Македонского, конечно, различны, но при этом первостепенными оказываются героизация и символизация древнего властителя мира в качестве особого «любимца веков». По мысли Л.Г. Пановой, образ Александра «идеально отвечал» «художественной программе» [Панова: 423] Брюсова, задающей практику «высокой» репрезентации царя в русской поэзии начала XX века (Ср.: «И к войскам ты стал, как солнце: ослепил их грозный взгляд, / И безвольно македонцы вдруг отпрянули назад» [Брюсов: 149]). В этом отношении Зенкевич вступает в очевидный диалог с брюсовским видением личности Александра Македонского, так как сакрализует ее не в историческом, а в онтологическом измерении бытия.

Итак, в стихотворении поэта, как это определено заглавием, предлагается поэтическое изложение индийского похода Александра Великого. Обращение к этим историческим событиям, драматично венчающим завоевательные амбиции владыки Древнего мира и, очевидно, известным поэту в изложении античных историографов (Плутарха, Арриана, Диодора Сицилийского), обуславливают нарративный характер развертывания лирического сюжета в структуре поэтического диптиха. В 1-й части стихотворения лирический субъект, занимая позицию внедигетического повествователя, рассказывает о деяниях Александра в покоряемых им индийских землях. Стремление царя в Индию изначально предстает как презрение к прорицанию судьбы и сопротивление с тайными силами миропорядка:

Не внявши прорицаньям магов,
 Через камни и солончаки
 Безумец Александр от дагов
 Повел на Индию полки

[Зенкевич: 64].

Как видно, античный царь уже в инициальной точке развития сюжета определяется через категорию безумия, которая фабульно мотивируется его царственным замыслом: завоевать Индию и присоединить новые земли к построенной империи. Однако в этой социокультурной гиперболе (безумная жажда покорения неведомого) проступает и личностная характеристика героя: его приобщение к «темной» стороне собственного микрокосма (ср. описание Александра у Плутарха: «В ту пору он уже был страшен в гневе и беспощаден при наказании виновных» [Плутарх: 418]), обуславливающее желание подчинить своей воле весь макрокосм. Индия же мыслится эпицентром этого потаенного мира, что подтверждается изображением первоначального знакомства с ней: «Достигнут Инд. И все рассказы / И сказки превзошла она – / Тягучих ядов и заразы, / Огня и золота страна» [Зенкевич: 64]. Исключительность новой (искомой) земли определяется ее амбивалентностью: она источник смерти и кладезь богатств. «Огонь» и «золото», будучи принципиально значимыми параметрами художественного мира Зенкевича, здесь репрезентируют то откровение о сущности универсума, к которому стремится эллинский владыка, то есть мыслятся очистительной идеей абсолютной царственности в пределах земной реальности.

Далее лирический повествователь, сообщая исторический факт – военные столкновения греческой армии с индийским царем Пором и его поражение [Арриан: 174–176], акцентирует внимание на столкновении завоевателей с иной, непонятной им реальностью: «И Пор бежал с нестройным скопом, / Но были греки смущены, / Когда вдруг ринулись галлопом, / В шеренгу выстроясь, слоны» [Зенкевич:

64]. Бегство боевых слонов, давно известных воинам Александра, здесь предстает знаком действия тех животно-природных сил, которые, будучи неведомы человеку, вселяют в него сомнения в своей «царственной» правоте и властности. «Смущение греков» – это знак их соприкосновения с тайной бытия, которая раскрывается в принципиально чуждых реалиях:

Все было странно – средь болота
 Рабами запряженный плуг;
 И пестрых тигров позолота,
 Краснеющая сквозь бамбук

[Зенкевич: 64].

«Странность» чужого мира коренится в его природной сущности, которая недоступна цивилизованно-культурному пониманию греков: вспыхиваемые болота индексируют соприкосновение с эмпирической материей, призванное дать не буквальные, а духовные плоды. В свою очередь, «тигры» предстают знаком угрожающего величия природы и синтеза в ее недрах материи и духа, что определяется цветовыми маркерами изображения индийских животных. В «Дикой порфире» «красное» и «золотое» являются концептуально выраженными цветами, символизирующими дихотомию плоти и духа. По наблюдениям Лекманова, в стихотворениях Зенкевича происходит соединение «темы плотского (красного) и духовного (золотого – такого близкого к красному и одновременно – такого далекого от красного)» [Лекманов: 22]. Соответственно, в рассматриваемом тексте «тигры» демонстрируют подобный природный синкретизм отелесненной духовности («краснеющая позолота»), что можно воспринимать как зооморфное явление витальных сил материи и своеобразное «приглашение» к глубинным основаниям бытия.

Индия видится землей ритуальной причастности первозданной тварной энергии мироздания, в которой человек – не субъект, а органичная часть самодвижения универсума: «И девушки – их поступь строже / Медлительной походки жриц, / Но, как у змей, отливы кожи / И, точно когти, сгиб ресниц. // Зачем, как в шумные Афины, / Ораторы и мудрецы, / Бегут в леса учить брамины – / Полубезумные жрецы?.. [Зенкевич: 64] Индийские девушки и жрецы неведомых культов предстают проводниками иного бытия, которое недоступно греческому (антропоцентрическому) сознанию, а потому вызывает его сопротивление, выражаемое сквозным движением сквозь таинственные земли Индии и «затемнением» тайны «весельем»: «И через тинистые реки / И желтый, как парча, туман / С веселым шумом плыли греки / Вниз по течению в океан» [Зенкевич: 64]. Принципиально важным здесь оказывается акцентирование «океана» как цели пространственных устремлений греческих завоевателей. Во-первых, согласно историческим свидетельствам, Александр Македонский

именно выход к океану мыслил глубинной интенцией своего похода, желая замкнуть круг обитаемых земель вокруг центра своей империи (собственного «я»). Во-вторых, мифопоэтически «океан» олицетворяет «источник всей жизни», сущность «динамических сил и переходных состояний между стабильностью (твердью) и бесформенностью (воздухом или газом)» [Кирло: 301]. В этом отношении поход античного царя к океану через Индию можно рассматривать в качестве экзистенциально неудачной попытки человеком постичь сущность универсума: духовный «океан» так и остается непознанным.

Однако движение к реально-географическому океану не освобождает греков-завоевателей от влияния таинственных сил внешне завоеванной, но внутренне не освоенной земли:

Но часто – призраки прорицаний –
Им виден был на берегу
Брамин, нирвану созерцаний
Привявший в пламенном кругу.

Сгушался воздух испареньем,
Гудели древние леса,
И греки туже со смущеньем
Натягивали паруса

[Зенкевич: 64–65].

«Пламенный круг» брамина, причастного органике мироздания, с одной стороны, свидетельствует об очищающих «целостности, непрерывности, первоначальном совершенстве» и об «отрицании пространства и времени» [Купер: 160], то есть едином бытии как таковом, вне человеческих категорий, а с другой – указывает на пространственное «замыкание» чужаков-греков в географическом кружении по миру. Здесь вновь акцентирован мотив прорицания, инициировавший сюжетостроение текста и теперь предстающий концептуальным параметром субъектной «точки зрения»: повествователю открывается перспектива предопределенности судьбы героя (царя Александра), которую он и его сподвижники не сознают. При этом акцентированное «смущение» греков (теперь уже покидающих Индию) индексирует то глубинное проникновение в их души таинственных природных сил, которые они не в состоянии постичь. Поход Александра в Индию внешне предстает сугубо геополитическим действием, но внутренне он зарождает (хотя еще и не реализует) осознание «темного родства» с природными первоначалами.

Примечательно, что данное стихотворение носит посвящение Гумилеву, в поэзии которого к 1909 году уже сформировался устойчивый интерес к Индии как оккультно-эзотерическому центру мира. Так, в гумилевском стихотворении «Северный Раджа» (1908) акцентирована возможность облагораживания и одухотворения европейской земли посредством явле-

ния в ней индийского мироощущения (ср.: «Легко стогореть и встать иными, / Ступить на новую межу, / Чтоб встретить в пламени и дыме / Владыку севера, Раджу» [Гумилев: 206]). Проповедуемая Гумилевым «Индия Духа» в рецепции Зенкевича оборачивается иной – хтонической – стороной своего бытия. Соответственно, диалог с идеологом акмеизма-адамизма поэт ведет в направлении не столько духовных, сколько материально-сакральных практик индуистского проникновения в сущность мироздания: в отличие от гумилевского Северного Раджи, сознающего духовный смысл своего прихода в Европу, зенкевичский «безумец Александр» вторгается в Индию, не понимая своей неготовности постичь тайны этой земли, то есть первоистоки макрокосма. В этом отношении Раджа Гумилева – носитель сакрального, а Александр Зенкевича – профанного начала в антропологическом освоении универсума.

Однако во 2-й части стихотворения ситуация существенно меняется. Здесь эксплицируется ментальное и физическое состояние царя Александра по возвращении из индийских земель:

Поход закончен. И от устья
С добычей флот повел Непарх,
Но страшен в ярости и грусти
На буйных оргиях монарх

[Зенкевич: 65].

Именно в этой точке нарративного развертывания сюжета происходит трансформация бытийного самоопределения героя. Лирический повествователь эксплицирует трансгрессию сознания Александра, которая определяет его эмоциональную дивергенцию, при которой «ярость» и «грусть» предстают не оппозицией, а комплиментарными друг другу состояниями «я». Македонский царь из условного «безумца», возжелавшего покорить вселенную (в 1-й части стихотворения) превращается в подлинного безумца, утрачивающего границы между явью и сном. При этом именно Индия мыслится истоком сумасшествия Александра: «Отравленный страной чумной, / Ее дыханием сожжен, / Он ночью криком, как безумный, / Все гонит прочь какой-то сон» [Зенкевич: 65].

Повествование о дальнейшем поведении владыки мира, основанное на античных историографических источниках, свидетельствует о погружении его «я» в хаотический мир видений, обгаренных кровью и небытием:

И на пирах стрелой звенящей –
Нежданных молний острее –
В руке царя сверкает чаше
Окровавленное копье

Он с колесницы грозным взглядом
Еще влечет через пески

Отравленные скрытым ядом
Свои тяжелые полки

[Зенкевич: 65].

Индийский поход Александра продолжается в его микрокосме, в котором «пески» предстают знаком той ментальной бездны, в которую погружается царственная личность, смешивающая прошлое и настоящее, витальное и мортальное, бытие и небытие. «Отравление» сущностью чужой земли, дважды акцентированное в тексте, здесь оказывается знаком не только «царственного» безумия, но и антропологического сдвига в целом – от покоя к потрясению: не только Александр, но и все его воины, побывавшие в Индии, отравлены «скрытым ядом», то есть приобщением к глубинным ритмам миропорядка.

По мысли П.А. Чеснялис, безумие Александра Великого здесь являет не движение к познанию «темной» сущности миропорядка, «но его результат», когда «наступившее прозрение приводит к гибели субъекта, вместо того чтобы утвердить его в мире» [Чеснялис: 105]. Нам представляется, что логика Зенкевича здесь разворачивается не столь прямолинейно. Конечно, царь, прозревающий сущность мира, терпит крах, но какой и как?

Повествователь не сообщает о смерти царя Александра (о ней рассказывают многие античные историки), но намечает онтологический маршрут к ней. С одной стороны, это резко нарушает нарративную логику развертывания текста, так как редуцируется свойственная наррации пространственно-временная дистанция между позицией повествователя и событиями и усиливается свойственная лирическому дискурсу «архитектоническая» дистанция «между внутренним и внешним аспектами бытия» [Тюпа: 116]. С другой стороны, для лирического субъекта принципиально важно ограничить свое не историческое, а онтологическое «всеведение» и показать не умирание, а ментальную агонию царя. Поэтому он моделирует грядущее, в котором в предстоящей смерти Александра Великого уже не различимы аспекты времен, и провиденциальное видение итогов бытийного движения человеческого «я» равноценно настоящему обезумевшего царя: «Но не Ворота Геркулеса – / Пределы покоренных стран, / Ворота темного Айдеса / Ему откроют океан» [Зенкевич: 65].

«Океан» здесь очевидно высвечивает бытийную семантику, лишаясь природно-географических значений и всецело представая сущностью первоматерии, переход к которой осуществляется посредством рефлексивного постижения земных деяний. Географическая карта мира («Ворота Геркулеса»), которой определялся жизненный путь Александра, сменяется мифологической («Воротами темного Айдеса»), на которой начертан путь к природно-хтоническому состоянию универсума. При этом в финальной стро-

фе стихотворения акцентировано то катастрофическое состояние миропорядка, которое уготовано постигшему «темное родство» царю:

Уже, измученный страстями,
Бесславно пал Гефестион,
И просмоленными стенами
Вдали чернеет Вавилон

[Зенкевич: 65].

Смерть Гефестиона – ближайшего соратника и друга царя – предстает бытийной предтечей грядущего Александра. В этом отношении «чернеющий вдали» Вавилон можно воспринимать не только как место исторической смерти царя, но и как знак той бездны, которая ожидает безумца, познавшего суть отношений между человеком и природой, по-сторонним и потусторонним, микрокосм и макрокосмом. Вавилон в поэтике Зенкевича в целом мыслится средоточием телесно-материального начала в человеческой истории (ср.: стихотворения «Человек», «Вавилон», «Навуходоносор»), здесь же он – предстает физическим («черным») маркером погружения в первозданный хаос. При этом принципиально важно то, что лирический повествователь не переходит границы своей антропологической явленности, то есть не стремится представить бытие человека «за гранью», по ту сторону «чернеющего Вавилона». Смерть и ее преобразующее действие для него остаются такими же бытийными тайнами, как и для героя его повествования – Александра Великого. Адамизм Зенкевича, концептуализирующий действие первоматерии хаоса в космосе, фиксирует переход границы не между мирами («этим» и «тем»), а между состояниями «я» (явью и сном, действительностью и химерами безумия), антиномичность которых и порождает возможность приобщения к сущностным основаниям мироздания.

Итак, лирический диптих Зенкевича «Поход Александра в Индию» свидетельствует о восприятии поэтом мировой истории и деяний ее царственных вершителей как антропологического постижения природно-стихийных первоначал миропорядка. Человек в своем историческом движении не только не овладевает материей, но, напротив, подчиняется воздействию ее первозданной сущности. В нарративной структуре стихотворения, состоящей из двух сюжетно-смысловых частей, вскрывается глубокий механизм такого подчинения «темным» бытийным основаниям универсума. Если в 1-й части текста, повествующей о соприкосновении Александра Македонского и его армии с завоевываемой ими индийскими землями, эксплицируется приближение к границе неведомой (природно-мистической) области мира, то 2-я часть репрезентирует глубокие следствия такого контакта, то есть превращение внешних тайн чужой страны во внутренние «тем-

ные» тайны человеческого «я». Попытка завоевания Индии царем Александром оборачивается поражением («отравлением») его личности первородным хаосом и ведет героя к безумию. Соответственно, лирический нарратив в данном стихотворении вскрывает семантическую инверсию в рецепции поэтом индийского похода античного владыки мира: вторжение в природно-географически и социокультурно иное пространство оказывается погружением в бездны собственного микрокосма, в котором проступают хтонические основания макрокосма, онтологически овладевающие душой и сознанием человека. Зенкевичский адамизм здесь предстает как исторический маршрут личности (царя) к познанию природного абсолюта мировой материи.

В формирующейся в книге «Дикая порфира» «адамистической» мифопоэтике Зенкевича «исторический» человек (потомок Адама), как бы ни был он высоко возведен событийным развертыванием тварного мира и собственной волей, неизменно оказывается «натуральным» Адамом, ощущающим свое «темное родство» с хаосом первозданности и потому ментально утрачивающим свое величие. В исторически развивающемся антропологическом космосе, в котором царь повелевает другими людьми, обнаруживается зияние хтонических бездн, превращающее человеческого властителя в раба саморазвивающихся природно-стихийных основ вселенной. Как видно, мировая история в восприятии Зенкевича мыслится принципиально важным фактором репрезентации соприкосновения человечества с таинственной силой бытийных первоначал.

Список литературы

- Арриан. Поход Александра. Москва; Ленинград: АН СССР, 1962. 382 с.
- Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. Москва: Художественная литература, 1973. 672 с.
- Городецкий С.М. Некоторые течения в современной русской поэзии // Акмеизм в критике. 1913–1917 / сост. О.А. Лекманов, А.А. Чабан. Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия; Изд-во Тимофея Маркова, 2014. С. 84–90.
- Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). Москва: Воскресенье, 1998. 501 с.
- Зенкевич М.А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. Москва: Школа-пресс, 1994. 688 с.
- Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. Москва: Центрполиграф, 2010. 525 с.
- Кихней Л.Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. Москва: МАКС-пресс, 2001. 183 с.

Купер Дж. Энциклопедия символов. Москва: Золотой век, 1995. 402 с.

Лекманов О.А. Книга об акмеизме // Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Водолей, 2000. С. 7–184.

Лекманов О.А. О трех акмеистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам. Москва: Intrada, 2006. 124 с.

Панова Л.Г. Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. Кн. 1. Москва: Водолей Publishers: Прогресс-Плеяда, 2006. 680 с.

Плутарх. Избранные жизнеописания: в 2 т. Т. 2. Москва: Правда, 1990. 608 с.

Тырышкина Е.В., Чеснялис П.А. Эстетика адамизма: лирика М. Зенкевича 1910-х годов // Идеи и идеалы. 2017. № 3 (33). Т. 2. С. 117–131.

Тюна В.И. Дискурс / Жанр. Москва: Intrada, 2013. 211 с.

Филатов А.В. Содержание понятия «адамизм» и состав адамического мифа Н.С. Гумилева // Stephanos. 2017. № 3 (23). С. 117–125.

Чеснялис П.А. Эстетика и поэтика адамизма в ранней лирике В. Нарбута и М. Зенкевича: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: НГПУ, 2015. 149 с.

Rusinko E. Adamism and Acmeist Primitivism. Slavic and East European Journal, vol. XXXII, 1988, pp. 84–97.

References

- Arrian. *Pokhod Aleksandra* [Alexander's Campaign]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1962, 382 p. (In Russ.)
- Briusov V.Ia. *Sobranie sochinenii: v 7 t. T. 1. Stikhotvoreniia. Poemy. 1892–1909* [Collected works: in 7 vols. Vol. 1. Poems. 1892–1909]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1973, 672 p. (In Russ.)
- Gorodetskiy S.M. *Nekotorye techeniia v sovremennoi russkoi poezii* [Some trends in modern Russian poetry]. *Akmeizm v kritike. 1913–1917* [Acmeism in criticism. 1913–1917], ed. by O.A. Lekmanov, A.A. Chaban. St. Petersburg, Gumanitarnaia Akademiia Publ., Timofei Markov Publ., 2014, pp. 84–90. (In Russ.)
- Gumilev N.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. T. 1. Stikhotvoreniia. Poemy (1902–1910)* [Complete works: in 10 vols. Vol. 1. Poems (1902–1910)]. Moscow, Voskresen'e Publ., 1998, 501 p. (In Russ.)
- Zenkevich M.A. *Skazochnaia era: Stikhotvoreniia. Povest'. Belletristicheskie memuary* [Fairytale era: Poems. Story. The fictional memoirs]. Moscow, Shkola-press Publ., 1994, 688 p. (In Russ.)
- Kikhnei L.G. *Akmeizm: Miroponimanie i poetika* [The acmeism: the worldview and poetics]. Moscow, MAKS-press Publ., 2001, 183 p. (In Russ.)
- Kirilo J. *Slovar' simvolov. 1000 statei o vazhneishikh poniatiiakh religii, literatury, arkhitektury, istorii* [Dictionary of Symbols: 1000 Articles about the Most Important

tant Concepts of Religion, Literature, Architecture, History]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2010, 525 p. (In Russ.)

Kuper Dzh. *Entsiklopediia simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow, Zolotoi vek Publ., 1995, 402 p. (In Russ.)

Lekmanov O.A. *Kniga ob akmeizme* [The book is about the acmeism]. *Kniga ob akmeizme i drugie raboty* [The book is about the acmeism and other works]. Tomsk, Vodolei Publ., 2000, pp. 7-184. (In Russ.)

Lekmanov O.A. *O trekh akmeisticheskikh knigakh: M. Zenkevich, V. Narbut, O. Mandel'shtam* [About three acmeistic books: M. Zenkevich, V. Narbut, O. Mandel'shtam]. Moscow, Intrada Publ., 2006, 124 p. (In Russ.)

Panova L.G. *Russkii Egipet. Aleksandriiskaia poetika Mikhaila Kuzmina. Kn. 1* [Russian Egypt. Alexandrian poetics of Mikhail Kuzmin. Book 1]. Moscow, Vodolei Publ., Progress-Pleiada Publ., 2006, 680 p. (In Russ.)

Plutarkh. *Izbrannye zhizneopisaniia: v 2 t. T. 2* [Selected biographies: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Pravda Publ., 1990, 608 p. (In Russ.)

Tyryshkina E.V., Chesnialis P.A. *Estetika adamizma: lirika M. Zenkevicha 1910-kh godov* [The aesthetics of adamism: lyrics by M. Zenkevich of the 1910s]. *Idei i*

idealy [Ideas and ideals], 2017, № 3 (33), vol. 2, pp. 117-131. (In Russ.)

Tiupa V.I. *Diskurs/Zhanr* [Discourse/Genre]. Moscow, Intrada Publ., 2013, 211 p. (In Russ.)

Filatov A.V. *Soderzhanie poniatiiia «adamizm» i sostav adamicheskogo mifa N.S. Gumileva* [The content of the concept “adamism” and texts of N. Gumilev containing the adamic myth]. *Stephanos*, 2017, № 3 (23), pp. 117-125. (In Russ.)

Chesnialis P.A. *Estetika i poetika adamizma v rannei lirike V. Narbuta i M. Zenkevicha: dis. ... kand. filol. nauk* [Aesthetics and poetics of adamism in the early lyrics of V. Narbut and M. Zenkevich: PhD thesis]. Novosibirsk, 2015, 149 p. (In Russ.)

Rusinko E. *Adamism and Acmeist Primitivism*. *Slavic and East European Journal*, vol. XXXII, 1988, pp. 84-97. (In Eng.)

Статья поступила в редакцию 31.03.2023; одобрена после рецензирования 12.05.2023; принята к публикации 15.05.2023.

The article was submitted 31.03.2023; approved after reviewing 12.05.2023; accepted for publication 15.05.2023.